

Тыквенно-пряничный паренё

Соль
ВАЛЕНТАЙН

Зимняя романтика

Зимняя романтика

Соль Валентайн

Тыквенно-пряный парень

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Валентайн С.

Тыквенно-пряный парень / С. Валентайн — «Издательство АСТ»,
2023 — (Зимняя романтика)

ISBN 978-5-17-156736-1

В детстве Аля Тимошина и Андрей Лукин были заклятыми врагами. Родителям Андрея даже пришлось перевести его в другую школу, чтобы сгладить конфликт. Но теперь, спустя шесть лет, Лукин вернулся, и Аля этому совсем не рада. Она – бариста в крошечной уютной кофейне, которую Андрей получил в наследство от родителей. Ее цель – с помощью спора не лишиться работы и доказать напыщенному снобу, что он сильно ошибся, когда попытался ее уволить. Его цель: саботировать работу Али и заставить ее уйти. На его стороне время, ведь до Нового года осталось всего несколько недель. На ее – таинственный аноним, снова и снова спасающий кофейню. Тыквенно-пряный парень – так называет его Аля – становится главным оружием против Андрея... Сможет ли новогоднее чудо превратить спор в любовь?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-156736-1

© Валентайн С., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Соль Валентайн

Тыквенно-пряный парень

Copyright © Соль Валентайн, 2023

© TORVA, иллюстрация на обложке

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

Американо со сливками

Посетители кофейен делятся на две группы: те, кто любит кофе, и те, кто должен любить. Этот нехитрый вывод я сделала за год работы в кофейне. И неплохо научилась различать и тех и других. Хозяйка, Мария Январовна, часто в шутку говорит, что у меня талант: я умею без слов понять, в какой манере стоит обслужить того или иного клиента. Быть бодрой и улыбчивой, спросить о настроении и пожелать удачного дня или молча и быстро выполнить заказ.

Но на самом деле я просто понимаю, кто передо мной: настоящий любитель кофе или тот, которому любовь к нему диктует статус.

Вот, например, девушка в углу кофейни за одноместным столиком. Пока я убираю с прилавка печенье, украдкой наблюдаю за единственной поздней посетительницей. Она здесь не впервые, заглядывает на протяжении нескольких месяцев. Поначалу брала капучино, а потом вдруг призналась, что обожает чистый черный кофе, но обычно он так откровенно плох в кофейнях, что приходится выбирать что-то с молоком. Не с первого раза, но я научилась варить так, как ей нравится, и сейчас девушка неспешно попивает американо с кусочком трюфеля и явно наслаждается жизнью.

А завтра утром придет мужчина. Закажет, как обычно, на бегу американо без сахара и сливок – и унесется на работу. Там, в мире офисной суеты и представительских расходов, черный кофе с утра – практически символ успешного мужчины. Мне нравится тайное знание об этом посетителе: он ненавидит кофе.

Нет, он не признался в этом лично. То, как он морщился от первого глотка, вполне можно было принять за особенность мимики или привычку. Но как-то раз (единственный в жизни) я перепутала заказы, и бедолаге достался какао с маршмеллоу. То, как посветлело его лицо после глотка, стало одним из самых ярких моих впечатлений на работе.

– Извините, я сейчас все исправлю! – Тогда я ужасно испугалась.

Но мужчина тепло улыбнулся:

– Не стоит. Говорят, чтобы создавались новые нейронные связи, иногда нужно экспериментировать.

И вместо привычного хмурого отрывистого «спасибо» – подмигнул.

Он, конечно, не отказался от образа строгого начальника, начинающего день с черного кофе, но когда моя смена выпадает на выходные, заходит – и я без слов делаю ему какао с горсткой белых воздушных зефирок. Это наш общий секрет.

Глядя на большие часы над стойкой, я с тоской отсчитываю оставшееся до конца смены время. Сегодня выручка совсем скромная. Кажется, если напрягу память, я даже смогу без подглядывания в кассу перечислить все покупки с обеда, когда началась моя смена. Хорошо, что Мария Январовна платит фиксированную ставку за смену, а не процент от выручки. В последние месяцы мне особенно неудобно получать зарплату, зная, как тяжело идут дела у кофейни. Близится Новый год, клиенты все чаще отказываются от ежедневных радостей, помня о тратах на подарки и грядущих выходных длиной почти в десять дней.

А еще с появлением крупных сетей в городе такие места, как «Магия кофе», опустели.

Сетевые кофейни могут позволить себе лучшие помещения, лучшие цены, лучшую рекламу. Они раздают листовки, разыгрывают промокоды, набирают подписчиков в соцсетях, снимают ролики – словом, делают все, чтобы к ним приходили не только за кофе, но и за лайками.

Я пыталась уговорить хозяйку начать вести соцсети, разыгрывать бесплатный кофе или хотя бы раздать флаеры с рекламой, и даже была готова поработать бесплатно. Но Мария Январовна, женщина старой закалки, оказалась непреклонной.

– Люди должны приходить к нам за вкусным кофе, а не за бесплатным, – строго говорила она.

В такие моменты я думала, что скоро люди вообще перестанут приходить. Но молчала. В конце концов (и в этом мой главный постыдный секрет), я и сама отношусь ко второму типу посетителей кофейен.

Аля Тимошина ненавидит кофе.

По всем законам мироздания – если таковые вообще регулируют кофейную сторону человечества – бариста просто обязан любить кофе. Иначе диалоги за прилавком выглядели бы как-то так:

«– А капучино у вас вкусный?»

– Отвратительный. Попробуйте лучше алтайский чай, потрясающий аромат и очень полезный!»

Так что пришлось волей-неволей научиться разбираться в кофе, мастерски его варить и бережно хранить свой секрет от всех на свете.

И я хорошо притворяюсь, а еще искренне влюблена в нашу кофейню. Ведь совершенно необязательно любить кофе, чтобы испытывать щемящий сердце восторг от вида огромного витринного окна, через которое просматривается широкий красивый проспект, от уютных диванов, от мягкого света гирлянд вдоль прилавка. От счастливых улыбок тех, кто искренне любит кофе, и от щедрых чаевых тех, кто забегает по пути на важную встречу и верит, что удача рождает удачу.

Это, кстати, написано на специальной табличке рядом с банкой для чаевых. В кофейнях их оставляют редко, но, бывает, мне везет.

Однако сегодня не такой день. В банке рублей тридцать, не больше, в кассе – едва наберется даже на зарплату, не говоря уже о какой-то прибыли или, например, закупке фильтр-пакетов, которые стремительно заканчиваются.

Поэтому когда за считанные минуты до закрытия заходит какой-то парень, я оживляюсь, готовая угодить любым его кофейным капризам, несмотря на усталость. Дома ждут уроки и домашние дела, но за «Магию кофе» у меня болит душа не меньше, чем за собственные оценки.

– Добрый вечер, что я могу вам предло...

Я осекаюсь на половине фразы, потому что сразу узнаю вошедшего.

И пусть с нашей последней встречи прошло много лет, я никогда не забуду светловолосого высокого парня с нахальной ухмылкой и пронзительными янтарными глазами. Он – мой кошмар и злейший враг, он – воплощение того, что я ненавижу в парнях. У всех моих подруг есть мечта об идеальном парне, а у меня – мечта, чтобы такой, как Андрей Лукин, никогда больше не появлялся в моей жизни.

Но все же он стоит передо мной.

Узнал.

Сердце пропускает удар, и я невольно морщусь. В его глазах вспыхивает знакомый огонек: реакция Лукину не нравится.

– Американо со сливками, – небрежно бросает он. – Поживее.

– Повежливее! – вспыхиваю я.

Андрей насмешливо переводит взгляд на почти пустую банку с чаевыми, протягивает руку и издевательски звенит редкими монетами.

– Неудивительно, что у вас здесь никого. Тыква, ты совсем не изменилась.

Стиснув зубы, я отворачиваюсь, чтобы приготовить его чертов кофе. Это его «тыква» – как привет из прошлой жизни, когда нескладная, бедно одетая рыжеволосая девочка с брекетами была предметом для издевательств обласканного родительскими деньгами мальчишки.

Она давно уже не носит брекеты, а ярко-рыжие волосы потемнели и красиво отливают медью, но Лукин словно не заметил прошедших лет. И это неожиданно больно бьет под дых.

– Американо. – Я ставлю на прилавок стаканчик.

– Я просил со сливками. Ты что, так и не научилась нормально читать? Или все еще сидишь в пятом классе?

– А тебя что, отпустили из зоопарка на каникулы?

Я лью в стаканчик сливки прямо из пакета, не заботясь о граммовках.

– Они безлактозные? – продолжает издеваться Андрей.

– У нас нет безлактозных сливок. Зато есть туалет. Можешь пить на всякий случай прямо там. С тебя сто пятьдесят рублей. Оплата картой или наличными?

– Запиши на мой счет.

– Вот еще! Ты не в деревне, Луковая Башка, плати, иначе я вызову охрану!

Он демонстративно отпивает кофе, кривится и складывает руки на груди, глядя с вызовом, мол, ну? Давай, вызывай!

Я заставляю себя выдохнуть. На нас уже пялится девушка, заинтересованная скандалом. Не хватало еще, чтобы услышала хозяйка. За такие разговоры с клиентом меня не похвалят, а если Лукин еще оставит отзыв... Впрочем, о чем я? Конечно, он оставит! И останется только верить в то, что Мария Январовна поверит мне, а не ему.

– Я серьезно, Луковая Башка, оплачивай заказ! Это, между прочим, уголовное преступление. Хотя от тебя другого и не ждешь.

– Ты уволена, Тыква, – глядя мне прямо в глаза, без тени смущения говорит Лукин.

Я замираю, все еще сжимая пакет со сливками.

– Чего?! Ты головой ударился? Эй, может, тебе не рассказали, балде необразованной, но Земля вращается вокруг Солнца, а не вокруг тебя. Ты не можешь меня уволить. Но помечтать, так и быть, разрешаю.

– Вообще-то могу. И ты уволена.

– Что у вас здесь происходит?

Конечно, громкий разговор привлек внимание хозяйки, но я даже рада ее появлению. Сейчас Лукину поправят корону, объяснят, что никого увольнять не собираются, и с чувством морального удовлетворения я продолжу убираться за стойкой.

Но Андрей, к моему удивлению, отставляет стаканчик в сторону и наклоняется, чтобы обнять Марию Январовну.

– Андрюша, приехал! А чего не позвонил? Я бы встретила!

– Да зачем? Есть же такси. Быстрее и проще.

– Голодный? Подожди десять минут, я сумку возьму, поедем домой. Алечка закроет кофейню, да, Аль?

– Кажется, нет... – тихо бормочу я. – Алю только что уволили.

Хозяйка недоуменно смотрит на парня, затем на меня.

– Не поняла. Что значит уволили? Андрюш, ты чего? Алька хорошая. Что, кофе не понравился? Да она устала просто, она с обеда на ногах! Аль, что случилось?

Я словно не слышу и неотрывно смотрю на Лукина.

– Ты что...

– Здесь хозяин. Удивлена? Ну, давай, извиняйся. Посмотрим, насколько сильно тебе хочется сохранить работу.

– Андрей! – возмущенно трясет головой Мария Январовна, но я уже резкими рваными движениями снимаю фартук, бросаю его на стойку и окидываю Лукина холодным презрительным взглядом.

– Фильтр-пакеты закончились, – говорю я. – Не забудь купить, а то тебе напишут плохой отзыв.

И с этими словами ухожу. Мне хочется, как в кино, красиво хлопнуть входной дверью и унести по заснеженной улице прочь, но реальность редко похожа на фильмы. В подсобке моя сменная обувь и одежда, в кедах в ноябре не побегаешь.

Даже если очень хочется как можно скорее оказаться подальше от кошмара наяву.

Шесть лет назад

– Раз-два-три, елочка, гори!

Сегодня я безоговорочно счастлива. На мне нарядное белое платье в пол, бабушка корпела над ним целый месяц. Оно по-настоящему роскошное: подол оторочен серебристой мишурой, а воротник точь-в-точь как у Снежной королевы. Вокруг все сверкает, и в воздухе витает запах мандарин.

А дома уже стоит елка, и, если мне повезет, бабушка разрешит нарядить ее перед сном. Тогда я буду засыпать, любуясь огнями старой советской гирлянды, еще из бабушкиной молодости. И мечтать, что однажды у меня будет огромный дом и елка в нем – как в кино. Пушистая, высоченная, с блестящими игрушками и огоньками. Не такая, как в школе, щедро украшенная поделками, хотя и эта сейчас хороша.

Прошлый Новый год я не запомнила, уж очень грустный он получился. И в этом бабушка расстаралась. Сейчас я чувствую себя принцессой, ловлю завистливые взгляды одноклассниц и с нетерпением жду главного события праздника – подарков.

И вот Дед Мороз под детские аплодисменты выходит из подсобки и нарочито громко смеется, приветствуя пятиклассников. Я с интересом оглядываюсь, размышляя, узнали ли они в широкоплечей фигуре Влад Сеича – физрука.

Я-то давно знаю, что никакого Деда Мороза нет, а подарки под елку кладут родные, но разве такая незначительная мелочь может испортить лучший праздник на свете?

– Ну, кто расскажет дедушке стишок? В моем мешке мно-о-ого подарков. Ну же, ребята, не стесняйтесь, я проделал долгий путь с самого севера!

Кто-то толкает меня в спину и издевательски шепчет:

– Иди, тыква мороженая!

Лукин. Я мысленно закатываю глаза. До последнего надеялась, что он не придет. Его лучший друг говорил, Лукин болеет.

Я никогда не отличалась смелостью, но сейчас на меня смотрит весь класс, и ничего не остается, как сделать неуверенный шаг к елке.

Раздается оглушительный треск.

Я с ужасом смотрю на порванное платье, безобразный грязный след ботинка на белоснежной ткани. А потом слышу оглушительный смех: весь класс веселит неприлично оторвавшийся подол.

Мне хочется зарыдать, но вместо этого я сжимаю кулаки и двигаюсь на Андрея, намереваясь задать ему трепку. С самого начала года он издевается надо мной, и порванное платье – последняя капля!

Такие, как Лукин, всегда выбирают себе жертву, чтобы на ее фоне казаться лучше. Сколько испорченных тетрадей на моем счету! Сколько потерянных пеналов. За портфель, на котором Лукин с друзьями катались с горки, крепко отругала бабушка, а теперь новое, краси-

вое платье испорчено. Я знаю, как долго бабушка откладывала деньги на ткань и как трудно нам приходится вдвоем, и мне еще обиднее, чем раньше.

А гад улыбается. С вызовом лыбится мне в лицо, повторяя унижительное прозвище Тыква. Как будто я выбирала эти непослушные рыжие пакли!

Чувствуя, как внутри волной поднимается ярость, заглушающая слабые попытки учительницы меня успокоить, я бросаюсь вперед, сбивая Лукина с ног. Вокруг раздается новый взрыв хохота, картинка очень комичная: мелкая рыжая девчонка с оторванным подолом и главный школьный любимчик Лукин катаются по полу, царапаясь, кусаясь и пинаясь.

– Прекратите! Немедленно прекратите! Тимошина! Лукин! – суетится вокруг учительница.

Но это тот момент, когда вспыхнувшая с первых школьных дней ненависть превратилась в борьбу за существование. Я знаю: от победы зависит вся школьная жизнь.

– ХВАТИТ! – раздается громогласный вопль физрука. – НЕМЕДЛЕННО ПРЕКРАТИТЬ!

Одним движением он ставит нас по разным сторонам.

– Тимошина! Как не стыдно! Устроить драку в такой день, испортить всем праздник! Родителей к дирек...

Учительница осекается: привычная фраза вырывается сама собой, автоматически, прежде чем она вспоминает, что у меня нет родителей.

– Родных к директору! Завтра же!

Я на всю жизнь запомню эту его самодовольную усмешку. Но еще не знаю, что скоро прощаюсь с Лукиным навсегда.

Глава 2

Бодрящий эспрессо

Тот, кто поставил двумя первыми уроками геометрию, определенно ненавидел школьников. Это единственное, в чем сходился 11-й «А» практически единодушно.

Геометрия по четвергам – страшное действо. В этот день наш математический класс решает олимпиадные задачи и доказывает не входящие в школьную программу теоремы. У математички, Ирины Сергеевны, даже есть специальный сборник, в котором каждый номер – изощренное орудие пыток.

– Привет, ты чего такая кислая?

Ритка, единственная моя подруга, как всегда опаздывает, но сегодня удача на ее стороне: математичка задерживается.

– Ничего, – бурчу я. – Спать хочу.

Не признаваться же, что поспать удалось всего несколько часов.

Большую часть ночи я ворочалась в отчаянных попытках перестать злиться. Но злилась, жалела себя любимую, оставшуюся без работы. Потом вспоминала все издевательства Лукина в детстве и злилась снова. Так и пришла на урок: невыспавшаяся, обозленная и без домашки. Впрочем, домашку я не сделала не по причине душевных терзаний, а просто потому что не успела. Сложно совмещать работу с учебой, особенно на финишной прямой до ЕГЭ, и мне об этом говорили. Но разве у меня есть выбор? Эгоистично просить у бабушки на выпускной деньги или платье, без которых вполне можно обойтись, но так не хочется.

– А ты чего светишься? – Я не могла не заметить, что Ритка буквально источает счастье.

– Ты не поверишь! Меня такой парень пригласил... просто краш!

– Прямо краш?

Обычно краши Ритки – певцы, актеры, на худой конец блогеры. И чтобы реальный парень дотянул до их уровня?

– И где же вы познакомились?

– В магазине. Я заскочила, чтобы купить шоколадку, а он что-то там выбирал... да неважно! Главное, что я иду пить кофе с обалденным парнем. У него часы стоят как весь мой гардероб!

– Ритка-Ритка, – качаю я головой, – ты все о своем.

– Знаешь, – подруга презрительно фыркает, – я хотя бы что-то делаю для мечты. А ты? Думаешь, в твою кофейню заглянет миллиардер и предложит тебе стать его женой?

Главная мечта Риты: удачно выйти замуж. Нет, она вовсе не меркантильная дуручка и не девица легкого поведения. Просто она мечтательница, и в ее мечтах всегда красиво: Мальдивы, бренды, красивые машины. А еще она реально оценивает себя и понимает: с такими оценками на хороший вуз нет смысла рассчитывать. А по-другому в Москву не уехать: либо учиться, либо работать, либо замуж. Я все еще надеюсь на первый вариант.

– Ну, кто бы ни заглянул в кофейню, меня он там больше не увидит, ведь новый хозяин меня уволил.

Рита ахает, замирает, так и не вытащив тетради, но устроить допрос с пристрастием мне не успевает – в класс входит Ирина Сергеевна.

– Доброе утро, ребята. Садитесь. Итак, на дом у вас были задачи тридцать семь, тридцать восемь и тридцать девять. Давайте начнем с тридцать восьмой, она самая сложная. Кто-то решил задачу?

Воцаряется тишина. Не то чтобы мы сознательно забивали на домашку, просто геометрия, да еще и олимпиадная – это не так-то просто даже для математического класса. И, кажется,

Ирина Сергеевна это прекрасно понимает, потому что ставит хорошие оценки даже за одну решенную задачу. Или за удачную попытку.

– Ребята, я понимаю, что скоро Новый год, вы уже все в предвкушении каникул, но надо собраться! У вас скоро экзамены. Да, таких сложных задач там не будет, но мозг – это как мышцы, если его не тренировать, быстро ослабнет. Хорошо, тридцать седьмую и тридцать девятую задачи кто хочет показать на доске?

Она умолкает, когда в дверь громко стучат.

– Ирина Сергеевна, извините, я заблудился.

Еще до того, как он заходит, я узнаю голос и чувствую, как к горлу подкатывает тошнота. Ритка с любопытством тянет шею, пытаюсь рассмотреть, кто там такой стоит в рекреации, а Ирина Сергеевна расплывается в улыбке.

– Андрюша, проходи! А тебе что, не объяснили, куда идти?

– Да я свернул не на ту лестницу, – улыбается Лукин. – Извините.

– Прходи, садись на любое понравившееся место. Ребята, знакомьтесь – Андрей Лукин.

Возможно, кто-то из вас его помнит, он учился в нашей школе до пятого класса. Потом они с родителями переехали, но этот год Андрей будет доучиваться с вами. Очень прошу вас по мере сил ему помогать и подсказывать, потому что времени на раскачку у него нет – скоро пробные ЕГЭ.

Проходя мимо нашей парты, Лукин не может удержаться от издевательской усмешки. Я с такой силой сжимаю карандаш, что едва его не ломаю. А Ритка наклоняется и начинает судорожно шептать:

– Алька, это он! Он! Прикинь?!

– Кто – он? – Я так занята собственной злостью, что не сразу понимаю, о чем говорит подруга.

– Краш!

– Лукин?! Тебя пригласил на свидание этот придурок?

– Ты его знаешь?

Большинство в нашем классе не учились с Андреем: после девятого оставшихся в школе распределили по двум классам, и я оказалась почти в незнакомом коллективе, ибо как-то так вышло, что в моем классе оказались сплошь гуманитарии. Но некоторые все же вспомнили Андрея, а вместе с ним и нашу вражду. Я чувствовала на себе любопытные взгляды.

– Знаю! Он мне прохода не давал в школе! Вещи прятал и портил, в туалете меня запирали, канат, на котором я висела, раскачивал, чуть не грохнулась! И это еще неполный список. А вчера...

– Тимошина! Коваленко! А ну, прекратите болтать! Надоели вы мне, подружки-болтушки. Вот что, Коваленко сейчас идет к доске решать задачу. А Тимошина меняется местами с Кангиным.

Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на четвертую парту, где обычно сидит Игорь Кангин – наш спортсмен, будущая звезда хоккея. И вижу рядом с ним Андрея, невозмутимо листающего учебник.

– Ирина Сергеевна, мы больше не будем! – говорю я. – Не отсаживайте меня, пожалуйста!

– Альбина, я тебе на прошлом уроке предупреждение делала?

– Делали, – вздыхаю я.

Хотя в прошлый раз я даже не болтала, просто забыла выключить звук у телефона, и он зазвонил прямо посреди урока.

– Тогда какие вопросы? Давай-давай, Кангин, садись к Маргарите. Не кривись мне тут, опять ничего не сделал! Хочу видеть, чем ты на уроках занимаешься. Давайте, дети, быстрее, время идет, чем дольше копаетесь – тем меньше у вас шансов на перемену!

Тут уже возмущается весь остальной класс, и мне ничего не остается, как пересестись за парту к Лукину.

– Ценю твое самопожертвование, Тыква. Навлечь гнев Ириски, чтобы пересестись ко мне поближе, – это сильно.

– Шел бы ты, дурачок, – ласково отвечаю я.

Лукин с интересом заглядывает в мою тетрадку.

– У-у-у, Тыква, плохи твои дела, зарежут на Хеллоуин.

– Я тебя сейчас сама зарежу! – Я хватаю со стола циркуль и угрожающе покачиваю им в опасной близости от клешни этого идиота.

– Тимошина! – Ирина Сергеевна бьет рукой по столу. – Да прекрати ты болтать!

Лукин заходится в беззвучном хохоте.

И так было всегда. Андрей пакостил, а ругали меня. Сама извальяла портфель в снегу и намочила школьные учебники, сама закрылась в туалете и пропустила там чтение стихов, сама начала драку на утреннике. А он белый и пушистый! Пожалуй, такая несправедливость была куда большее его издевательств.

Ритка бойко решает задачу на доске – а точнее, имитирует решение, записывая за Ириной Сергеевной и делая вид, будто и сама размышляла в том же ключе. Впрочем, подруга прекрасно понимает, что нашу математичку такими приемчиками не взять, и за нерешенные задачи придется получить свою точку в журнале. Ничего, на следующей неделе исправит.

Украдкой, пока все заняты задачей и сосредоточились лишь на том, чтобы не потерять мысль на исписанной формулами доске, я кошусь на Андрея.

Мы все изменились, повзрослели. Ничего общего с пятиклашками, что читали стишки Деду Морозу или неуклюже вышагивали на лыжах по школьному двору. Через каких-то полгода мы навсегда расстанемся. Сдадим экзамены, поступим в вузы, станем почти взрослыми. Мне уже семнадцать, я давно не беспомощный ребенок, а вполне симпатичная – во всяком случае, хочется в это верить – девушка.

А Лукин – без пяти минут взрослый парень, и не скажешь, что еще школьник. Краш, как бы сказала Рита. Внешне – безусловно. Светлые волосы чуть выше плеч, слегка растрепанные. Светло-карие глаза и ямочки на щеках, которые появляются, когда он улыбается. Жаль, что эта улыбка преимущественно злорадная или насмешливая. По-другому Лукин улыбаться просто не умеет.

Он действительно дорого одет. Я вообще не разбираюсь в брендах и лейблах, в нашем городке редко кто одевается по лукам из модных журналов. Но зато я, как внучка швеи, отлично разбираюсь в качестве. И светлый свитер, так подходящий к его волосам, из настоящего кашемира, сумка – натуральная кожа.

Кажется, у Лукиных свой бизнес, вот только не могу вспомнить какой. Андрея всегда привозили на машине в школу, у него всегда были деньги на обеды и пиццы в столовой, у него первого появился крутой смартфон. Я часто думала: почему же его семья не уедет в столицу или просто в крупный город? Зачем им наша провинция? Но спросить было не у кого.

– Хорошо. Маргарита, я жду от тебя задание к следующему уроку. Иначе точка превратится в двойку. И ее я уже занесу в электронный дневник, так что скрыть от родителей не получится. Поняла?

– Да, Ирина Сергеевна.

– Садись. Так, ну что, 11-й «А», я ожидала от вас большего. Почему-то каждый раз, когда в конце урока я спрашиваю, кому непонятно, никто не поднимает руки. А через неделю вы приходите с нерешенными задачами. Открываем сборники, решаем задачи номер сорок и сорок один. Даю вам десять минут подумать, потом слушаю варианты решения. Хотя бы через какие теоремы будете пытаться.

Как сложно на первом уроке вникать в геометрию! Я открываю сборник и читаю условия задачи, но идей ровным счетом никаких, и в этом сложность. В обычном учебнике задания распределены по темам, что уже огромная подсказка, а здесь... В такие моменты моя уверенность в поступлении начинает таять.

– Кхм, – раздается сбоку.

Я поворачиваюсь к Андрею и вижу перед ним только одиноко лежащую тетрадочку.

– Что? – Я делаю вид, что не понимаю.

– Я только что перевелся.

– Это моя проблема?

– У меня нет сборника.

– А у меня – работы.

– Что, мелочно мстишь? – фыркает Лукин. – Так правильно я тебя уволил, ты поди и клиентам в кофе плюешь.

– Обычно нет, но в твой – плюнула.

– Да зачем тебе учебник, Тыква? Ты же все равно ничего в нем не понимаешь.

– Лукин, с какого фига ты ко мне привязался?! Отстань, ясно? Возьми свое самомнение – и пересядь с ним за свободную парту!

– Тимошина! – Математичка, кажется, теряет терпение. – Выйди из класса!

– Но Ирина Сергеевна...

– Что? Сначала ты болтала с Коваленко, теперь с Лукиным, у тебя что, вообще рот не закрывается? Иди, погуляй до перемены, водички попей. Давай-давай, Тимошина. Надоела ты мне.

Я действительно на взводе, готова вцепиться идиоту в волосы. Но уйти и немного выдохнуть – не такая уж плохая идея, правда, мое домашнее задание увеличится на одну задачу. Математичка не выгоняла с урока без последствий. Провел хоть минуту в коридоре – получай дополнительную нагрузку, и твои проблемы, что тему объясняли без тебя.

Прежде чем уйти, я подхватываю сборник и засовываю его под пиджак, чтобы Ирина Сергеевна не увидела. Андрей смотрит укоризненно, как будто я делаю что-то непорядочное. Но теперь улыбаюсь уже я. Посмотрим, как ему понравится выпрашивать учебник, с его-то гонором.

И так было всегда! Лукин меня доводил, а потом делал невинный вид – и ему все сходило с рук!

Впрочем, однажды прием не сработал...

Шесть лет назад

Я сижу у кабинета директора впервые в жизни и рыдаю от несправедливости и страха. Нет, бабушка никогда не наказывала меня без причины, но жизнь уже научила: виноватым всегда делают того, кто не успел пожаловаться первым. На глазах учителей и одноклассников я устроила драку, а того, что Лукин специально наступил мне на подол, никто не видел.

Меня уже успели переодеть, и теперь некогда роскошное новогоднее платье лежит в пакете, небрежно свернутое впопыхах. Из пакета выглядывает грязный уголок, и я стараюсь на него не смотреть, чтобы не рыдать еще сильнее.

– Привет, – раздается рядом.

Я начинаю икать. То ли от слез, то ли потому, что передо мной стоит – самый отъявленный хулиган в параллели. Кир старше на год, по непонятным причинам он оказался в пятом классе и, надо сказать, с трудом справлялся с программой. Но что важнее: Кир дружил с Андреем.

– Чего тебе? – спрашиваю я.

– Да вот, хотел кое-что показать.

Он протягивает смартфон, на экране которого я вижу видео. Сначала, сквозь слезы, застилающие глаза, я не понимаю, что происходит на экране, а потом до меня доходит.

Кир снимал, как Лукин пихал меня и как наступил на платье.

– З-зачем ты снимал? – спрашиваю я.

От удивления даже слезы почти высохли.

– Да так. Свои причины. Давай номер, я тебе скину.

– А... – Я слегка краснею. – У меня нет.

Бабушка считает, что смартфон для пятиклашки – роскошь и совершенно расслабляющая игрушка. Дома у меня есть старенький планшет, но в школу я хожу с простой «звонилкой», которая даже не умеет воспроизводить видео.

– Тогда на, – Кир протягивает свой телефон, – только с возвратом. У меня тренька до семи. До семи не вернешь – на елку вместо звезды посажу, поняла?

Я быстро киваю, сжимая в руках доказательство своей невиновности. Ну или хотя бы смягчающее обстоятельство.

Директор, когда я показываю ему видео, мрачнеет на глазах. Мой детский мозг еще не понимает, насколько сильно ему не хочется ввязываться в разборки с семьей Андрея. Зато понимает, что бабушка, кажется, не собирается меня ругать:

– Сколько это будет продолжаться, Сергей Сергеевич? То Аля приходит домой вся грязная и утверждает, что Лукин кидал в нее сухими листьями. То она приносит разодранный портфель, а дети рассказывают, что Лукин катался на нем с горки. Я уже молчу про то, сколько пеналов я ей купила из-за того, что ваш малолетний уголовник их постоянно ворует! И его вы называете ребенком уважаемых людей? А вот ЭТО на видео – что? Порвать платье одиннадцатилетней девочке – это нормально?! Может, родителям задуматься о воспитании ребенка? Вы, конечно, можете и дальше делать вид, что проблемы нет, но я устала. Я напишу жалобу в министерство и прокуратуру, и отдельно в опеку! Издеваться над сиротой – верх цинизма!

– Наталья Васильевна, пожалуйста, не горячитесь. Давайте устроим встречу с родителями Андрея, хорошо? Послушаем, что они скажут. И по итогам этого разговора решим, как быть.

– Я вам скажу как: Андрей Лукин не должен учиться в одном классе с моей Альбиной! И если он еще хоть раз ее обидит, я пойду в полицию! Донесите это до родителей, пожалуйста. Всего хорошего.

Бабушка поднимается, и директор слегка тушует. В прошлом ба – учительница музыки, и хоть она давно на пенсии, еще не растеряла навыки. Когда мы выходим из кабинета директора, мне уже совсем не хочется плакать.

Хотя роскошное платье снежной принцессы все еще ужасно жаль.

Глава 3

Кофе с острым перцем

«Требуются курьеры, оформление через самозанятость», «требуются официантки, возраст от 18 лет».

Я закрываю вкладку с вакансиями и уныло лезу в телеграм в надежде, что в городском чате найдется хоть что-то, что мне подойдет. Но сейчас мало кто готов взять на работу школьницу. Мария Январовна – женщина старой закалки, нежно относящаяся к молодежи, для нее работающая школьница – пример для подражания всем подросткам. Но большая часть работодателей смотрит на это как на потенциальные проблемы с трудовой инспекцией, и я не могу их винить.

А еще близится Новый год, и заработать на платье мечты раздачей флаеров не хочет только ленивая. Как только появляется вакансия – ее сразу же забирают.

Мы не умрем с голоду без работы, но придется отказаться от выпускного. Платье, макияж, прическа, плюс сам банкет – для бабушкиной пенсии это непосильная сумма, а я скопила едва ли треть. Жаль, конечно, но что поделать?

Загорается телеграм-звонок от Ритки.

– Хэллоу, май диар друг! – хихикает подруга. – Как тебе мой инглиш? Вери велл?

– Да уж, хоть сейчас замуж за принца.

– Чего делаешь?

– Работу ищу.

– И как?

– Одни курьеры и водители в такси. Даже листовки никому раздавать не надо. Точнее, есть вакансия разносить рекламу по почтовым ящикам, но бабушка меня ни за что не отпустит.

– А в интернете не пробовала? Сейчас все зарабатывают в Сети.

– Пробовала. Всем нужны крутые специалисты. Остальным платят десять рублей за тысячу знаков. На это даже кофе не купишь.

А еще я скучаю по кофейне. «Магия кофе» стала мне вторым домом. В ней я чувствовала себя не сироткой в провинциальном городке, а героиней романтической книги. В ней я была взрослой.

– Погулять не хочешь? – спрашивает Рита.

– Можно, если недолго.

Мы любим бродить по центру, обсуждая все на свете. Школу, экзамены, одноклассников, учителей, наши мечты и планы. Мне не помешает выговориться и зарядиться Риткиным оптимизмом.

Город уже преображается к Новому году. Пушистые ели в центре наряжаются в золотые огни, в городском парке устанавливают атмосферные палатки с сувенирами, блинами и глинтвейном. На площади перед кинотеатром вырастают ледяные скульптуры и высокая деревянная горка.

Совсем скоро Светлореченск будет не узнать. Из небольшого городка вдали от областного центра мы превратимся в зимнюю рождественскую сказку.

Мы бродим по улицам, фотографируясь на фоне старинных центральных улочек, снимаем дурацкие ролики для Риткиного тик-тока, пытаемся катать снежки из рыхлого сухого снега.

Я почти счастливая – если не думать об увольнении, возвращении Лукина и ускользнувшем выпускном.

Но неожиданно для самих себя мы вдруг оказываемся на улице, где стоит моя кофейня.

В этом ничего удивительного: эта улица центральная, на ней сосредоточены все самые посещаемые кафешки, магазины и салоны. Но я смотрю на светящиеся окна, ставшую родной вывеску и чувствую, как подкатывает грусть.

Мне будет не хватать «Магии кофе».

– Эй, девчонки!

Дверь открывается, и на мороз вываливается Кир.

– Рит! Аль! Привет!

Когда-то бывший главным хулиганом, кандидатом на постановку на учет и головной болью всех учителей, Кир превратился в спортивную звезду. Никто в школе не умел так плавать. Кир брал все областные медали и страстно мечтал учиться на тренера. Ну и как бонус: обладал спортивной фигурой и свойственной спортсменам уверенностью.

– Привет! – Рита без энтузиазма ему помахала. – А ты чего тут?

– Да вот, с ребятами собрались посидеть. Заходите к нам, погреемся.

– Нет, – быстро говорю я, – спасибо. Нам пора домой.

– Аль, я правда замерзла... – начинает упрашивать Рита.

– Рит...

– Ну пожалуйста-а-а, на десять минут! Я тебя угощу кофе, ну пожалуйста, Аль! У меня вон даже ресницы инеем покрылись. И я коленок не чувствую.

– Давайте, забегайте. – Кир галантно открывает для нас дверь, и мне приходится подняться по ступенькам и нырнуть в теплое нутро кофейни, заполненной ароматами сладостей, кофе и хвои.

Внутри непривычно людно, я ни разу не видела такое количество посетителей за раз! Но вскоре я понимаю, что это вовсе не гости, а почти весь наш класс и парочка параллельных.

– Ой, а что здесь происходит? – Рита тоже замечает неладное.

– Так возвращение Андрюхи празднуем, – пожимает плечами Кир. – Это вроде как кофейня его тетки, вот он и взял в безвозмездную аренду. Вы чего, в телеге не видели приглашение?

Мы качаем головами. Рита вообще считает себя выше каких-то чатов и логично рассуждает, что если будет что-то важное – позвонят. А я весь день посвятила поискам работы и не видела, как все обсуждали предстоящую вечеринку.

Я подрываюсь, чтобы как можно скорее отсюда сбежать, но поздно: от стойки к нам направляется Лукин.

– Кирюх, кофе...

Он замечает нас, останавливает взгляд на Ритке и улыбается.

– А я думал, не придешь.

– Я не видела приглашение. Мог бы и лично позвать.

– Виноват. – Лукин склоняет голову и протягивает ей кофе. – Для дамы.

Потом переводит взгляд на меня и мрачнеет.

– Тебе тоже кофе?

– Обойдусь. Вряд ли ты умеешь его варить.

– Да уж, куда мне до некоторых.

– Эй! – Рита шутливо машет между нами рукой. – Брейк! Аль, на.

Она протягивает мне свой стаканчик и сумку, но я качаю головой.

– Извини, я пойду. Развлекайся.

– Да поддержи ты, я в дамскую комнату сбегаю! Аль, ну поддержи, пожалуйста, тебе две минуты сложно?

Нехотя я вешаю Риткин шоппер на плечо и беру кофе. Тепло от него распространяется по телу. Демонстративно, потому что Лукин не сводит с меня холодного взгляда, я делаю большой глоток.

И морщусь.

– Гадость какая! Ты что, использовал вместо фильтра старые носки?

– Нет, твое чувство юмора.

В зале воцаряется тишина. Все взгляды обращаются к нам. В другой ситуации я непременно смутилась бы, но сейчас я слишком зла.

– Тебе не стыдно, Лукин? Используешь кофейню, чтобы купить себе друзей? А ничего, что если не будет выручки, то не на что будет закупать кофе в следующем месяце?

– Кажется, это больше не твоя забота. Тебя судьба этого места уже не касается.

– Ну почему же, я дождусь, пока вы разоритесь и кофейню выкупит кто-то более адекватный, и буду захаживать сюда за нормальным кофе, а не этой бурдой.

– Мечтай, Тыква. Ты не такая уж незаменимая, какой хочешь казаться.

– Да? – Я фыркаю. – И кто же завтра выйдет на мою смену, м? Неужели ты? Боюсь, тогда в инфекционке будет тяжелый день, на всех твоих клиентов не хватит коек! Не стыдно тебе, Лукин? Мария Январовна душу сюда вкладывала! А ты... ведешь себя, как...

Глаза Андрея темнеют, и мне становится немного страшно. Народ вокруг затаил дыхание в ожидании развязки скандала.

– Как кто? – глухо спрашивает Лукин.

– Как избалованный капризный ребенок! Который ради того, чтобы сделать гадость девочке, портит жизнь собственной тете! Кофейня и так еле держится, а ты еще и оставил ее без сотрудника!

– Только не делай вид, что ты – единственный наш шанс. Не думала, что все наоборот? Может, сюда никто не ходит как раз из-за твоей кислой морды, Тыква?

В следующий момент я делаю то, о чем непременно (и очень скоро) пожалею. Но эмоции всегда мешали мне трезво мыслить и здраво рассуждать. Я бросаю стакан с кофе в мусорку и говорю:

– Спорим?

– О чем?

– Что я смогу сделать «Магию кофе» прибыльной.

– И зачем мне этот спор?

– Ну так ты же с пятого класса мечтаешь меня унижить. Показать, какой ты крутой. Ты и сейчас бесишься, потому что бабушка заставила тебя уехать. Тебе невыносима сама мысль о том, что тебя едва не выперли из школы из-за девочки. Вот ты и дождался возможности на мне сорваться. Что, не так? Вот тебе шанс. Если до Нового года не будет прибыли...

Его губы трогает кривая самодовольная усмешка.

– Ты запишешь видео и выложишь на свои каналы. Где признаешься, что устраивала мне буллинг в пятом классе. Что подставила меня и что из-за тебя мне пришлось уйти из школы.

Я задыхаюсь от наглости. Я? Буллила Лукина?!

– Да ты... ты... в тебе хоть капля порядочности есть, Луковая ты Башка?! Из-за меня тебе пришлось уйти из школы?

– Ты же сама так сказала, – со смехом пожимает плечами Андрей. – Вот тебе условие. Проиграешь – покаешься, расскажешь, какой невыносимой была в детстве и как тебе стыдно. Попросишь прощения.

– Ладно. А если выиграю – это сделаешь ты.

– Идет. Только условие: я буду тебе активно мешать. Не думай, что получится наклеить донатов или доложить в кассу свои деньги. Я сделаю все, чтобы ты проиграла, Тыква.

– Хорошо. Но у меня тоже условие: полная свобода. Любые акции, мероприятия, меню. Все, что я захочу. Даже если я стою и раздаю кофе бесплатно, ты не смеешь вмешиваться.

– Договорились! Срок – к Новому году. Прибыль... ну пусть будет не меньше двадцати тысяч. Без учета зарплаты.

– Я знаю, что такое прибыль, Лукин!

Вместо ответа он протягивает мне руку, и после секундного колебания я решительно ее сжимаю.

– Кир, разбей! – просит Андрей.

Пожав плечами, Кир выполняет просьбу, и я выдыхаю. Теперь у меня есть месяц, чтобы сохранить работу, вывести кофейню на доход и утереть нос самому невыносимому придурку из существующих на планете Земля.

– А чего все притихли? – Из уборной возвращается безмятежная Рита. – Аль? Что тут случилось?

– Все супер.

Я вешаю куртку на стойку для посетителей и захожу за прилавок – мыть руки и заплетать волосы.

– Внимание всем! Кофе, чай, пирожные и все остальное – рассчитываемся по меню!

Народ возмущается: Лукин, разумеется, звал всех просто посидеть. Я вижу, как он стремительно свирепеет, и ничего не могу с собой поделать: это очень весело!

– Что ты на меня так смотришь? Сам согласился. Полная свобода. Ты их пригласил, ты и плати. Картой или наличными?

Мы снова в центре внимания, и снова все ждут реакции Андрея. После долгой паузы, смерив меня мрачным взглядом, Лукин лезет в карман за карточкой, и я ликую.

Сегодня кофейня точно в плюсе, а хорошее начало – залог выигранного спора!

Шесть лет назад

– Алька! Ты дома? Альбина!

Конечно, я дома, бабушка ведь не отпускает меня гулять, когда куда-то уходит. Но мне нравится, как она спрашивает, дома ли я, когда возвращается. Как у взрослой.

Дома хорошо. Елка, мишура, взятая в библиотеке книжка. Бабушка обещала принести мандаринов, чтобы веселее было резать оливье. А потом мы посмотрим «Один дома», лежа на большом диване в полной темноте в ожидании салютов.

– Иди сюда, смотри, что я принесла! – говорит бабушка.

И я несусь к мандаринам на всех парах.

От ба веет холодом с улицы. А еще в ее руках слишком много пакетов. Что в них? Я чувствую счастье. Просто чувствую, как любой ребенок, предвкушающий праздник.

– На, смотри. – Один из пакетов ба протягивает мне.

Там что-то серебристое, похожее на ткань. С замиранием сердца я вытаскиваю роскошное платье. Невероятной красоты. В сравнении с ним мое, испорченное, которое бабушка как могла аккуратно зашила, чтобы мне было в чем встретить Новый год, просто рабочее платье Золушки.

Это – из магазина. На нем стразы и белоснежный мех, это не просто платье, это платье из шкафа Снежной королевы.

– Где ты его взяла? – спрашиваю я.

– Родители Андрея передали тебе взамен испорченного. Просили прощения. И вот, еще подарок.

Кажется, счастливее уже быть невозможно, но я еще и получаю небольшую коробочку, по виду которой сразу понимаю, что внутри. Но не могу поверить.

– Это мне? – спрашиваю я.

– Тебе. – Ба как будто не одобряет подарок.

Так оно и есть, наверное. Но еще ба – самый честный человек из всех, кого я знаю. И если подарок предназначен мне, она обязательно его передаст.

– Вот что Альбина, договариваемся сразу: в школу ты его не носишь. Дома ты за него берешься только после того, как сделала все уроки. И сидишь в нем не дольше двух часов за раз. Поняла?

Я киваю, прижимая к груди простенький, но новый смартфон.

– На этом инцидент с Лукиным исчерпан. Родители переведут его в другую школу, так что, дорогая моя, больше никаких драк, поняла?

Лукина переводят! Он больше не будет со мной учиться, не будет меня доставать!

– Ба, ты самая лучшая!

Я вишу у бабушки на шее и радостно смеюсь.

Новый год я буду встречать в самом красивом платье на свете.

У меня есть новый телефон, как у всех ребят в классе.

И никогда, никогда больше я не увижу Андрея Лукина!

Разве жизнь может быть еще прекраснее?

Глава 4

Раф с лавандовым сиропом

На следующий день я просыпаюсь так рано, как никогда не вставала. Да я толком и не спала, обдумывая стратегию, планы, дальнейшие шаги. Листала странички известных кофеен, вдохновлялась эстетиками из «Пинтереста», размышляла, как бы так утереть нос Лукину, чтобы с его лица сошла самодовольная ухмылка. Пыталась убедить себя, что соперничество и месть – не лучшая мотивация для успеха, но ничего не могла с собой поделать. Лукин меня бесит, причем сейчас в разы сильнее, чем было раньше. И я очень, очень хочу выиграть.

Хотя забавно: если я выиграю, Андрей получит прибыль. А если проиграю – мое унижение. Да как так получилось, что в любом случае он в выигрыше?! Ненавижу!

Бабушка удивленно выглядывает из комнаты, когда слышит мою возню:

– Алька, ты куда? Воскресенье ж!

– На работу. Спи, ба, я уже позавтракала. Еще кофе поплю перед открытием.

– Так ты же уволилась!

Я не стала рассказывать бабушке, что Лукин вернулся, и уж тем более, что уволил меня. Рано или поздно дети должны решать свои проблемы самостоятельно, и в моем случае лучше рано – возраст никого не щадит, у ба гипертония.

– Хозяйка уговорила вернуться. Разрешила попытаться что-то поменять, придумать новое меню. Привлечь клиентов. Мне жалко кофейню, она милая. Попробую начать вести соцсети и обновить меню к Новому году. А после каникул посмотрим.

Бабушка вздыхает. Ей не нравится, что я работаю. Это, по ее мнению, мешает учебе.

Может, и мешает, но зато моя работа помогает нам нормально жить. Мне хватает на все дополнительные занятия в школе, на экскурсии и походы в театры, на одежду и подарки. Бабушкина пенсия не резиновая, без моей зарплаты нам будет грустно.

С утра валит крупный пушистый снег. Немногочисленный народ спешит на работу, пригнувшись. В основном на завод, только он работает без выходных и с восьми утра. Может, немного сдвинуть часы работы? Чтобы перехватить с утра кофе успевали не только те, кто работает в офисе, но и рабочие, медики? Можно даже сделать скидку в первый час работы или ввести какие-то бонусы для самых ранних посетителей. Имеет смысл попробовать, только вот кто согласится работать на час раньше?

Когда я открываю кофейню, внутри все сжимается от счастья. Я снова здесь. Даже не думала, что так привязалась к этому месту.

Сначала я неторопливо переодеваюсь и долго заплетаю косу, чтобы ни одной волосинки не попало туда, где им быть не положено. Потом протираю столы, мою и настраиваю кофемашину, проверяю все сроки годности на молоке в холодильнике. На всякий случай.

Затем, пока есть время до поставки пирожных, я делаю себе кофе. Это тоже ритуал: первая чашка должна предназначаться мне. Тогда день будет удачный. Примета, конечно, не работает. Дни бывают разные. Но мне помогает настроиться на нужный лад.

Потом я пишу в блокнот идеи. Называю это мозговым штурмом интроверта. Записываю даже самые глупые, а потом обдумываю и вычеркиваю лишнее.

1. Обновить меню

У нас мало авторских напитков, и в основном все сводится к формуле «капучино плюс сироп». Ассортимент десертов никогда не меняется, печенье берут редко, шоколад и батончики – тем более. А ведь это хороший источник выручки.

2. Завести соцсети

Привлекать не абстрактных подписчиков, которые просто от нечего делать бродят по соцсетям, а тех, кто готов покупать кофе, уже это делает и может тратить больше.

3. Программа лояльности

Если, скажем, каждая седьмая чашка будет в подарок, возможно, наши завсегдатаи будут забредать чаще?

4. Антураж

Нужно создать новогоднюю атмосферу. Елка – это хорошо, но сейчас в тренде совсем другие украшения. Гирлянда на окно, венок на дверь. Можно создать кусочек магической кофейни посреди улицы провинциального города.

5. Мероприятия

Я долго наблюдала за посетителями. Обычно люди заходят за кофе. Если человек не хочет кофе, он вряд ли зайдет к нам, чтобы выпить чай или перехватить сэндвич. Продажи чая, какао, воды и соков обычно идут за счет спутников тех, кто пришел за кофе. Детей, девушек, бабушек и так далее. Может, если люди будут приходить не ради кофе, а ради чего-то другого, то решат заодно побаловать себя вкусеньким?

На этом моя фантазия иссякает. Но и этого хватит с лихвой.

Когда приезжает поставка, я убираю все записи в ящик и выхожу из-за прилавка, чтобы принять десерты.

– Здравствуйте! – Экспедитор мне давно знаком, из всех, кто привозит продукты, он самый добродушный и приветливый. – Видели, как валит? Еле проскочил до пробок!

– Это замечательно, – улыбаюсь я, – а то у нас пустые витрины.

Вчера, пользуясь щедростью Лукина, наши одноклассники съели все, что можно было съесть. И, судя по царапинам на столе, что нельзя было – понадкусывали.

– Слушайте, – говорю я, пока водитель выгружает коробки, – а если я хочу немного обновить ассортимент, с кем мне нужно связаться?

– Да я вашей хозяйке всегда предлагаю новинки, а она отказывается, говорит, что и эти продаются не очень. А так у меня всегда есть пробные наборы.

– А это как?

– Выдаем бесплатно небольшие наборы новинок, чтобы клиенты продегустировали, оценили, может, попробовали продать. Если нравится – оформляют закупку. Сейчас к Новому году сделали эклеры. Хотите?

– Конечно! – говорю я. – С удовольствием!

Так мне достается коробка с очаровательными новогодними эклерами и еще одно ценное знание о работе: как обновлять ассортимент. Раньше этим занималась (а точнее, не занималась) Мария Январовна, но раз уж у меня полный карт-бланш...

– А можно мне ваш каталог? – спрашиваю я. – И до какого числа нужно сообщить об изменении заказа? Так ведь можно, поменять ассортимент?

– Конечно, в каталоге номер менеджера, вы с ним спишитесь, обычно если заказ на следующий день и все в наличии – без проблем привезем, что скажете.

– Спасибо! – улыбаюсь я. – А хотите, я вам кофе сделаю? В знак признательности за помощь?

Это я тоже люблю: когда люди расцветают и смущаются, получив что-то в подарок. Пока я делаю для мужчины раф с лавандовым сиропом (что уже бесконечно удивляет), он кидает в мою банку с чаевыми сто рублей, чем приводит в смущение уже меня.

Когда мы прощаемся, мне кажется, что я могу летать.

Эклеры отправляются сначала на разморозку в холодильник, а через несколько часов на витрину с надписью «Новинка!» на ценнике. Они обсыпаны пудрой, будто снегом, украшены засахаренной клюквой, веточками розмарина, дольками апельсина и звездочками бадьяна. Если верить этикеткам, вкусы все как на подбор новогодние: джем с пряностями «Глинтвейн»,

«клюква и марципан», «мандариновый курд», «яблоко с корицей». Даже от одного вида и названия текут слюнки, и я недолго уговариваю себя попробовать. Надо же знать, что предлагаю клиентам. Вдруг невкусно?

Но это божественно.

Это не масляный крем, от которого перехватывает горло. Не белковая бессмысленно сладкая масса и не приторная сгущенка. Это легкий цитрусовый крем с едва уловимой кислоткой. Он действительно мандариновый, а еще – безумно вкусный.

Мария Январовна – человек старой закалки. Кажется, в ее молодости кофе варили в огромной кастрюле, добавляя в него сразу и сахар, и сливки, и чайные ложечки, чтобы не тратить время на разливе. При всех достоинствах хозяйки, она не очень-то любит новшества.

Из десертов у нас классический ассортимент: «Прага», «Муравейник», «Итальянский», «Чизкейк», «Картошка» и пара видов конфет. Плюс шоколад и протеиновые батончики – добавились после того, как одна из посетительниц в присутствии Марии Январовны посетовала, что у нас совсем нечего перекусить для «людей на ПП». Хозяйка спросила у моего сменщика Игоря, что такое это «ПП», и, получив ответ, велела добавить в корзинку у кассы немного протеиновых и злаковых батончиков. Их брали редко, но зато с огромным удовольствием.

Модные суфле, капкейки и тарты Мария Январовна не признает и считает глупостью. Впрочем, я ее понимаю: она хочет сохранить уютный уголок собственной юности. Сделать «Магию кофе» немного винтажным и старомодным местом. Может, в большом городе это бы и сработало, но наш нуждается немного в другом.

Когда у меня остается самый вкусный, последний кусочек эклера, дверь открывается. В выходные посетители подтягиваются только к обеду, поэтому я не ожидаю таких ранних пташек и не успеваю убрать пирожное.

– Ты все ешь? – фыркает Лукин.

Следом за ним заходит раскрасневшаяся и счастливая Ритка. Она смотрит на меня немного виновато, явно чувствуя неодобрение. Ну зачем она встречается с этим напыщенным хамом? Зачем ей, красотке, будущей актрисе, это недоразумение по фамилии Лукин?

– Кто не работает, тот ест, – философски говорю я. – Вот ты, например. Спорим, сейчас еды потребуешь?

Андрей закатывает глаза. Кажется, ему хочется меня придушить, но вот что интересно: похоже, у Луковой Башки есть какие-то принципы. Во всяком случае, он честно соблюдает спор.

Я вдруг вспоминаю, что он активно собирался мне мешать, и напрягаюсь. Надо держать ухо востро.

– Один капучино, один американо и...

Он смотрит на витрину.

– Два эклера с марципаном.

Я начинаю вбивать заказ, и Андрей удивленно фыркает.

– Ты серьезно? Я здесь хозяин!

– По условиям спора до Нового года – нет. Если твоя тактика заключается в том, чтобы каждый день приходиться и съесть весь товар, то ничего не выйдет. Как хозяйину я сделала тебе максимальную скидку. Картой или наличными?

Он смотрит на меня обжигающе ненавидящим взглядом, и, хочется верить, я отвечаю ему тем же.

– Не позорься перед девушкой, – улыбаюсь я. – Ты что, не можешь позволить себе угостить ее кофе? Что за дешевые понты, Лукин?

Тут происходит то, чего я совсем не ожидаю. Вместо Андрея взрывается Ритка:

– А я здесь при чем, Аля? Обязательно втягивать меня в ваши разборки? Я тебе что сделала? Ты можешь хоть немного держать себя в руках, когда рядом неповинные в твоих обидах люди?

– Рит... – Я растерянно смотрю на подругу. – Я не имела в виду...

– Ага, ты просто намекнула, что мой парень – нищеброд, а я не достойна, чтобы за меня запла- тили!

– Да нет же! Рит! Я не то имела в виду, я...

– Удачной смены, – бросает подруга и, чеканя шаг, выходит из кофейни, оставляя меня в абсолютной растерянности.

– Неплохо, – фыркает Лукин. – Эффектно.

– Не хочешь догнать девушку, чтобы спасти свидание?

– А ты не хочешь догнать ее, чтобы спасти дружбу?

Я молчу. Он прекрасно знает, что если бы могла – я бы непременно побежала за Ритой, но нельзя оставлять рабочее место. Нельзя оставлять кассу, это халатность. Нельзя закрывать кофейню, это саботаж. И нельзя оставлять его здесь одного, это... это важнее подруги?

– Удачной смены, – издевательски повторяет он и уходит.

Я же говорила. Примета первой чашки кофе не работает.

Вечером я не нахожу себе места. Чувство вины грызет изнутри, не дает расслабиться и выдохнуть. Я ненавижу ссориться с близкими, а Рита – моя единственная подруга. Мы вместе с тех пор, как в шестом классе она впервые пришла на уроки и потерялась, пытаюсь найти класс музыки. Если бы учительница не отправила меня за новыми маркерами к завхозу, я бы не встретила зареванную худенькую девчонку, не сказала бы: «Я тебя провожу, но сначала сходи со мной за маркерами, одной скучно», не проводила бы ее до класса и не получила новую соседку, которая вскоре стала подругой.

Нам часто говорили взрослые, что женская дружба заканчивается, когда появляется парень, но я не думала, что это будет Лукин! Я всегда представляла, что мы обе влюбимся в одного парня и будем соперничать, обещала себе, что ни за что не позволю влюбленности разрушить нашу дружбу и, если будет нужно, отступлю без вопросов.

Но за Лукина я даже не собиралась держаться! Хотя, пожалуй, когда твоя подруга ненавидит твоего парня – это тоже весомый повод для ссоры.

Вернувшись с занятий бабушка (она все еще дает частные уроки бедолагам из музыкальных школ) застаёт меня в самых расстроенных чувствах, скрывать которые, как я ни стараюсь, не выходит.

– Чего маешься? Что натворила?

– Ба! Ну почему сразу натворила?

– Не знаю, тебя надо спросить. У тебя всегда такой вид, когда чего-то нахулиганила.

– С Риткой поссорилась, – нехотя признаюсь я. – Сама виновата. Не умею держать язык за зубами.

– Помириться, – отмахивается бабушка. – Вы каждую неделю ссоритесь.

– Сегодня не так. Я ее обидела. Сильно.

– Из-за чего?

– Из-за Лукина!

Не стоит, наверное, рассказывать бабушке, что Андрей вернулся, но мне совершенно не с кем поделиться кроме нее и Риты. Не то чтобы я ни с кем не общаюсь, но перед Новым годом, да еще и в выпускном классе все заняты своими проблемами.

– А он тут при чем? Сто лет ничего о Лукиных не слышала, они же уехали.

– Андрей вернулся доучиваться у нас. И они с Ритой встречаются.

Бабушка садится за стол, пока я разогреваю ужин.

– Вот, значит, как. Вернулся. Интересно почему. Его родители клялись, что мы их больше не увидим.

Я пожимаю плечами. Какая разница? Разве кто-то учитывает в таких решениях детские обиды? Вряд ли Лукины вообще помнили, что была такая девочка Аля, которую их сын довел до драки. Мало ли, какие причины привели их вновь в нашу провинцию.

– И что, он снова тебя достает?

Люблю ба за это. За стальные нотки в голосе, проявляющиеся, едва она чувствует угрозу. За то, как за считанные секунды из миловидной старушки она превращается в берсерка, способного заставить тридцать подростков петь хором, от души и в ноты.

– Нет, – улыбаюсь я, надеясь, что ба не услышит фальши в голосе, – к счастью, даже такое дерево, как Лукин, повзрослело. Но мы не ладим. Ритка знает, но ей это не нравится, ну она и решила, что я против ее счастья.

– А ты не против? – деловито уточняет бабушка.

– Не мне с ним жить. Но обидно терять подругу.

– Это неизбежно, Алечка, такова жизнь. Когда мы создаем семьи, то друзья отходят на второй план. Но это вовсе не значит, что ты потеряешь ее, дружба так и проверяется. Легко и просто дружить, когда вы полностью совпадаете во мнениях и отношении к окружающим. А вот такие ситуации, как у вас, требуют работы. Подумай, насколько важно тебе стоять на своем. И стоит ли это дружбы с Маргаритой. Если ты не готова принять ее выбор – так бывает, это не значит, что ты плохая, мы все люди. А если сможешь смириться с ее молодым человеком, то позвони и извинись. Если Маргарита – хороший друг, то она просто не будет вас сталкивать. Но и ставить ее перед выбором нельзя.

– Я понимаю, – вздыхаю я. – Почему все так сложно? Пойду позвоню, пока она не взялась решать физику сама. Боюсь, это чревато последствиями для ее четвертной оценки.

– Взрослая ты у меня стала, – вздыхает бабушка. – Скоро уедешь.

И я спешу скрыться в комнате, опровергая ее эту фразу – про взрослость. Не люблю говорить о будущем. Знаю, бабушке грустно от того, что я буду жить далеко, в общежитии, приезжать только на каникулы. Но я не могу остаться в Светлореченске, я хочу учиться, работать, добиться чего-то большего, чем должности бариста в уютной, но крошечной кофейне.

Мы обе понимаем, что поступить в Москву – единственное, что имеет смысл, но обе не хотим думать о времени, когда расстанемся.

Когда я звоню Ритке, сердце стучит как ненормальное. Я действительно не хочу терять дружбу с ней. Пусть встречается с Лукиным, выходит за него замуж и рождает маленьких исчадий ада, но не перестает кидать мне шутки, фотографии солистов k-поп и новости из мира быоти-блогеров. Хоть я ничего и не понимаю в них.

– Алле-е-е, – спустя бесконечно долгие гудки я слышу голос подруги.

– Привет.

– Привет, – равнодушно отвечает Рита.

– Слушай, извини меня, пожалуйста. Я не хотела тебя обидеть. Просто мы с Лу... с Андреем не ладим, причем с детства. Это ведь из-за меня он ушел из школы. Мы тогда подрались на новогоднем утреннике, были разборки у директора. И вскрылось, что Андрей меня травил несколько лет. Бабушка обещала все кары, от опеки до прокуратуры, и конфликт кое-как замяли. Но, естественно, мы друг на друга обозлились. Я рада, что у тебя появился парень. И постараюсь, чтобы наши ссоры тебя не задевали. Мир?

– Забей, проехали, – как всегда легкомысленно отмахивается Ритка.

И у меня с души падает камень.

– Чего делаешь?

– Пришла с работы, поела, вот тебе звоню. Как погуляли?

– Ой, круто! Были в «Скай Кофе», так здорово! Они сделали фотозону, к каждому заказу дарят открытки, плюс сто к новому настроению! Просидели там часа четыре, кажется, я напилась тыквенно-пряного латте на всю жизнь, до сих пор ощущение, что лопну.

– Какого латте? – живо интересуюсь я.

– Тыквенно-пряный, это их фирменный. Тыква, какие-то специи, сверху взбитые сливки с корицей, все это в новогоднем стаканчике и с имбирным человечком. Огонь!

– Ага... а еще что-нибудь пробовали?

– Пробовали, – хихикает Рита, – целоваться. После латте – особенно круто, прям как в кат-сценах «Клуба Романтики»: «на его губах был вкус сладкого напитка с нотками специй».

Я невольно морщусь, потому что последнее, что мне хочется представлять, – это поцелуи с Лукиным, но Рита, кажется, счастлива, и я вместе с ней. Просто от того, что мы болтаем, как раньше, переходим с Андрея на школу, потом обсуждаем Новый год, в который раз обещаем друг другу в выходные сходить на каток. Только когда бабушка укладывается спать, мне приходится попрощаться с подругой. После короткого душа и сборов в школу я забираюсь в постель, но вместо того, чтобы уснуть, открываю телеграм-канал «Скай Кофе» – известной сетевой кофейни – и начинаю изучать меню.

Засыпаю только под утро, когда уже не остается сил сопротивляться, но зато теперь в заметках на телефоне отчетливо вырисовывается новое меню для «Магии кофе».

Если оно не станет популярным, мне придется публично признаться в том, чего я не делала.

Но оно станет. Просто должно стать, ведь, глядя на это меню, я начинаю любить кофе чуточку больше.

Наутро я едва заставляю себя встать в школу. От недосыпа даже подташнивает. На улице настоящая метель, в другое время она показалась бы мне волшебной-новогодней, но сейчас я слишком устала, чтобы думать о романтике и сказках.

Сейчас бы не помешал кофе. Но ни «Магия кофе», ни «Скай Кофе» еще не открылись. Да и драгоценные свободные минуты я потратила на бесплодные попытки хоть немного выспаться.

– Ты не простыла? Выглядишь, как будто неделю не спала, – говорит Ритка.

– Всего одну ночь, – зеваю я в ответ. – Думала над новым меню.

– Слушай, тебе оно правда надо? Какой смысл напрягаться ради чужого бизнеса? Да еще и того, с кем ты не ладишь.

– Лукин же твой парень. Ты должна радоваться, что у его бизнеса появился шанс. Да и вообще, кофейня принадлежит Марии Январовне, а она мне очень нравится. Или ты не веришь, что я смогу?

– Да верю я, верю, – бурчит Ритка, но в ее голосе отчетливо звучит сомнение.

– Дело не в бизнесе и не в Лукине. Я люблю «Магию кофе», и мне интересно попробовать. Все это время я работала там, уверенная, что Мария Январовна управляет ей неправильно. А все вокруг говорили, что я слишком маленькая, что не мне давать советы умным людям, что все мои идеи – для глупых подростков. Нам не нужны соцсети, потому что они привлекают только детей, у которых нет денег. Нам не нужно обновлять меню, потому что люди любят стабильность. Нам не нужно проводить мероприятия, потому что на них ходят только халявщики. Я все это слышала в ответ на свои идеи, а теперь у меня есть шанс их проверить!

Я не хочу говорить Рите, что если у меня получится, то это будет значить не только победу над Лукиным, но и то, что я смогу учиться на каком-нибудь факультете бизнес-процессов. Это станет отличным ответом на вопрос, который нам, одиннадцатиклассникам, задают не реже раза в неделю. Куда собираешься поступать?

– Так что, твой парень не говорил о кофейне? Как вообще она попала к нему?

– Думаешь выведать промышленные секретки, шпионка? – хихикает подруга.

– Расслабься, – устало улыбаюсь я. – Просто интересно, почему он вдруг вернулся.

– Родители погибли, – вдруг отвечает Рита, и с моего лица сходит улыбка. – Полтора года назад, в автокатастрофе. Ему пришлось вернуться к тете.

– Ого. – Я чувствую себя виноватой за то, что злилась на Андрея за возвращение. – Не знала. Ужасно.

– Да, но он вроде бы оправился. Выглядит ничего. Богатый наследник и все такое.

– Рита! – возмущенно восклицаю я. – Никакие деньги не стоят семьи.

Неправильно злиться на подругу за невинную шутку, мы постоянно смеемся, что было бы круто вдруг получить огромное наследство или обнаружить, что мы – наследницы какой-нибудь европейской королевской семьи.

Но это глупые фантазии девчонок, а не реальная трагедия реального человека. Пусть даже такой Луковой Башки, как Андрей.

Сегодня последним уроком алгебра. К этому моменту я едва стою на ногах. Голова раскалывается, глаза закрываются, каждый раз, когда я моргаю, открывать глаза снова и снова кажется пыткой. Я сплю в любой удобный момент, но становится только хуже.

– Что, всю ночь сжеживала яд? – фыркает Лукин, небрежно бросая на парту учебник, который достал из рюкзака.

– Спасала твой бизнес.

– Так мне надо тебе поклониться?

– Было бы неплохо.

– Мечтай.

Сегодня у нас урок подготовки к ЕГЭ, и все время мы решаем варианты. Один за другим, пока не полезут из ушей типовые задачи и примеры. Обычно я люблю заниматься самостоятельно, но сегодня звенящая в классе тишина играет против меня. Лишь изредка Ирина Сергеевна помогает тем, у кого возникают вопросы.

Я знаю, что нельзя так делать. Что надо держаться. Но сил почти нет, и на несколько секунд я кладу голову на руки. Всего на пару секунд, чтобы выдохнуть. Сама не замечаю, как проваливаюсь в такую сладкую манящую темноту.

– Тимошина! Лукин!

Резкий окрик вырывает меня из сна. Сердце бешено колотится, а мозг не сразу осознает, где я и что происходит.

– Молодые люди, мы, по-вашему, на каком уроке?

Мы с Лукиным молчим, ибо прекрасно знаем, что такие вопросы от учителей не требуют ответа.

– На алгебре! Алгебре! Напоминаю, что профильная математика есть в ЕГЭ, и вам предстоит ее сдавать! Какое задание я дала? Альбина?

– Прорешать варианты...

– А ты что делала?

– Извините, Ирина Сергеевна, я просто...

– Работала, я так понимаю. Мы с тобой это уже обсуждали. Хочешь работать – надо было идти в ПТУ. Лукин! Ты думаешь, тебе вечно будут делать скидки на то, что ты новенький? Не покажешь, чем ты там таким в телефоне занят?

Вместо ответа Андрей с вежливой улыбкой убирает телефон во внутренний карман пиджака.

Ирина Сергеевна недовольно поджимает губы, и я понимаю: нам конец.

– Вот что, голубки мои, останетесь после уроков дежурными. Помоете доску, пол, вынесете мусор и польете цветы. А, и разберете шкаф, там куча рабочих тетрадей, их надо рассортировать и выбросить ветхие.

Только страх перед Ириной Сергеевной не дает мне застонать и выругаться. Мечты прийти домой и рухнуть в постель на пару часов, чтобы потом с новыми силами заняться меню, так и остаются мечтами. Теперь придется провести не меньше часа на дежурстве. С Лукиным!

Но самое странное – Риткин взгляд. Обернувшись, она смотрит на нас так холодно, что я невольно ежусь. Кажется, все усилия по вымаливанию прощения пошли прахом, хотя я не до конца понимаю, что сделала.

Наверняка Ритка надеялась, что Андрей проводит ее после школы или где-нибудь выгуляет. Теперь придется идти домой в одиночестве, но я-то здесь при чем? Мы накосячили каждый по отдельности. Не то чтобы мы спали в обнимку или смотрели видео в тик-токе.

В последнее время все идет наперекосяк!

Зато я немного поспала, и хоть все еще чувствую себя разбитой, становится немного легче. Остаток уроков я даже способна воспринимать задания и почти успеваю прорешать все заданные варианты. Оставшиеся вполне можно осилить дома.

Вообще, я планировала заняться работой. Несмотря на выходной, мне прямо не терпится взяться за меню, поискать рецепты и, возможно, потестировать их прямо на месте. Вот только вряд ли я уже успею разобраться и с уроками, и с меню, еще и поспать, чтобы не скатиться в хронический недосып. И, как бы ни хотелось поскорее разобраться с делами, приходится сделать выбор в пользу школы и сна. Некоторые учителя совсем не в восторге от того, что я работаю, хотя я нечасто отпрашиваюсь с уроков: только если сменщик заболевает.

После звонка все радостно расходятся по домам, и только мы с Лукиным молча начинаем убирать класс. И кто придумал, что труд делает из школьника человека? Из меня, например, мытье старого, издававшего виды линолеума делает настоящего зверя. Особенно когда... приносят горстку ластиков и велят оттирать от пола черные полосы, оставленные обувью.

– Что, – фыркает Лукин, наблюдая, как я с унылым видом, сидя на корточках, оттираю особенно вредный след чьего-то ботинка, – никак не можешь придумать, почему в очередной твоей беде виноват я?

– Ну почему, – отвечаю я, – если бы ты не сидел в телефоне, тебя бы не наказали вместе со мной, и я провела бы прекрасный час в тишине и покое. Обязательно было напрашиваться на дежурство? Или пока ты меня караулишь, твой дружок ломает кофемашину?

– Нет. Но мысль определенно интересная. Спасибо за идею, Тыква.

Вместо ответа я усерднее начинаю тереть полосу, представляя, что это голова Лукина и я вожу по ней теркой. Невыносимый, самовлюбленный, наглый. Ненавижу!

Пока я мою пол, Лукин вытирает доску, и делает это с явной ленцой. Лишь потому, что мне не хочется снова спорить, я молчу. Такое ощущение, словно он специально продлевает пытку моим обществом и не стремится вернуться домой. А ведь где-то там наверняка обижается Ритка. Если бы Лукин спросил, я бы посоветовала не совершать непоправимую ошибку и дать ей максимум внимания, на которое он способен. Но меня никто не спрашивает.

Я домываю пол, предчувствуя близость свободы. Остается только шкаф, в котором уже ковыряется Лукин. Я могла бы просто сидеть и ждать, когда он закончит, но если бы хоть на секунду перестала двигаться, то непременно уснула бы. С Андрея станется просто закрыть меня в кабинете и уйти.

Ничего интересного в шкафу нет, только старые методички, развалившиеся учебники, чьи-то тетради.

– Может, тут и свежие варианты ЕГЭ найдутся? – задумчиво говорит Андрей.

– Тебе лишь бы сжульничать.

– Можно подумать, ты бы отказалась от ста баллов.

– Отказалась бы. Какой смысл в ста баллах, если они нечестные? Все равно потом придется учиться.

– Какая ты пресная и безвкусная. Прямо как тыква.

– А ты – скользкий и противный. Как вареный лук. Разварившийся до каши лук в каком-нибудь мерзком молочном супе!

Хотя я так голодна, что, может, и его бы съела. Дома бабушка наверняка приготовила курочку или что-то такое же вкусное. По пути можно купить что-нибудь к чаю, а потом завернуться в плед и поспать.

Лукин отправляется менять воду в ведре, а я тянусь к верхним полкам, чтобы достать хлам с них. Мне не хватает роста, но я зачем-то упорно пытаюсь достать стопку тетрадей и не замечаю момент, когда шкаф начинает опасно покачиваться. А потом уже поздно: с его тяжестью невозможно бороться. Все, что я могу – это отойти, позволив ему упасть, но на пути вдруг оказывается парта. Я больно ударяюсь бедром, а шкаф наваливается сверху. Голову пронзает болью, сверху сыпятся старые учебники и тетради.

– Тебя что, нельзя ни на минуту оставить одну?!

Сейчас я даже рада Лукину. Я больно получила по лбу. Ощупывая пальцами наливающую шишку, чувствую что-то теплое и влажное.

– У-у-у. С таким фонарем у тебя, Тыква, нет никаких шансов хоть что-то заработать. Пошли.

– Отстань! – морщусь я.

– Да пошли уже в медпункт. Мне срочно нужен свидетель, что ты сама такая криворукая, а не я решил избавиться от токсичного актива.

– От какого актива?! Да я спасаю твою кофейню!

– Пока ты даже себя от шкафа спасти не можешь.

Медпункт в нашей школе – одно название. Медсестра приходит из районной поликлиники на время занятий, ставит прививки или проверяет волосы после каникул. Пока мы идем, я думаю, что лучше бы мне пойти домой.

– Шкаф?! Так, садись здесь! Надо вызвать «Скорую» и позвонить родителям...

– Не надо! – вырывается у меня. – Не надо «Скорую» и никому звонить. Со мной все хорошо.

– Это называется хорошо? Кто вообще придумал разбирать шкафы?! Что ж за учителя-то такие!

Мне выдают лед и таблетку, но бабушке все же не звонят. Кое-как, стараясь не запачкать блузку, я умываюсь и украдкой кошусь на Лукина, который продолжает стоять в дверях.

– Голова кружится? Болит? Тошнит?

– Нет, все в порядке. Я несильно ударилась.

– Точно? Ты какая-то бледная.

– Как поганка, – фыркает Андрей.

Хочется кинуть в него туфлей, но я заставляю себя стиснуть зубы и промолчать. Нужно, чтобы медсестра отпустила меня домой без лишних вопросов.

– Не нравишься ты мне, Тимошина, – качает она головой. – Надо сделать рентген.

– Да правда не надо! Просто книжка упала сверху и уголком дала мне по лбу. Ну правда, отпустите меня домой. Я устала!

Медсестра колеблется. И в дело вступает Лукин:

– Я ее провожу, Наталья Ивановна, – ослепительно улыбается он.

Когда он успел посмотреть ее имя? Да как он это делает, что его все обожают?!

– Под твою ответственность, Лукин! Давайте, быстро одевайтесь и топайте домой. Сегодня в экраны не пялься и побольше спи. Если будет тошнить, вызывай «Скорую» немедленно!

– Хорошо, – послушно киваю я и, пока медсестра не передумала, заклеиваю ссадину на лбу пластырем.

Надеюсь, бабушка не заметит. Будет волноваться.

– Если вечером ты поедешь в больницу, ей сильно попадет, – говорит Лукин, когда мы выходим со школьного двора.

– Ты что, всерьез собираешься меня провожать?

– Конечно. Ты же слышала? Под мою ответственность.

Я только вздыхаю и мысленно молюсь, чтобы никто не сдал нас Ритке. Подруга не станет разбираться, какие приключения привели меня к совместной дороге с Лукиным, она просто убьет нас и закопает рядышком. А провести вечность рядом с Андреем – самый худший кошмар.

Всю дорогу до дома я обдумываю идею, случайно пришедшую в голову. Старый книжный шкаф натолкнул меня на идею буккроссинга. Чашка кофе и хорошая книга – отличный способ провести время в кофейне. Если привлечь читающую часть города, можно сделать хорошую выручку. Этим летом у нас проходила книжная ярмарка, и народу на нее пришла тьма. Правда, ярмарка была перед учебным годом, так что львиную долю составляли ученики и их родители в поисках нужных учебников. Но сейчас Новый год, и это может сработать.

В абсолютной тишине мы доходим до моего дома. Кто-то повесил на дверь рождественский венок, и мысленно я ставлю галочку повесить такой же на двери кофейни.

– Спасибо, что проводил, – равнодушно говорю я. – Ну и бардак мы там оставили. Ирина Сергеевна будет орать.

– Ей не привыкать.

– Аля! Альбина!

Мы оборачиваемся на голос, и я холодею: именно в этот момент бабушка возвращается из магазина! Сейчас она увидит пластырь, Лукина – и добавит мне вторую шишку для симметрии.

– Алечка, ты чего так поздно? Я думала, ты уже давно дома!

– Дежурство, ба. Сегодня мы дежурные.

Как бывшая учительница, бабушка обладает ценным, но в то же время опасным качеством: она не забывает лиц. И узнает своих учеников даже годы спустя, когда они неизбежно взрослеют. Вот и сейчас она мгновенно узнает в высоком парне Лукина, поджимает губы и смеряет его холодным учительским взглядом.

– Ну и что мы тут делаем?

От такой резкой смены тона Андрей цепенеет и смотрит на бабушку, как кролик на удава. Я не могу удержаться от улыбки.

– Доклад по биологии, – говорю я прежде, чем катастрофа приобретет федеральные масштабы.

– А?

– Доклад задали. Разбили на группы. В нашей группе еще Ритка, но она унеслась на какие-то там танцы или английский, не помню, в общем. Вот решили обсудить по дороге.

Бабушка – опытный дознаватель, ее просто так не проведешь. Но я живу с ней все семнадцать с лишним лет, так что научилась врать – комар носа не подточит.

– А почему это вас поставили в одну группу?

– Потому что Ритка – девушка Лукина. А я ее лучшая подруга. Кто ж нас спрашивал?

– А что, отказаться было нельзя?

– Ты не знаешь Маргариту Раисовну?

Бабушка издает тяжелый вздох. Знает, еще как знает. Маргарита Раисовна – одна из немногих учителей, кто еще помнит, как бабушка работала в школе. От этого ложь становится опаснее, но в то же время – надежнее.

– А если я ей позвоню?

Я равнодушно пожимаю плечами.

– Звони. Только давай так, чтобы она мне не испортила четвертную оценку.

– И мне, – зачем-то влезает Лукин.

Но быстро умолкает под бабушкиным суровым взглядом.

Я начинаю терять терпение. Я ужасно хочу есть и спать и совсем не хочу торчать здесь с Андреем. Бабушка не заметила пластырь, вроде бы поверила в отмазку с докладом, и на этом пора перестать испытывать судьбу. Поэтому я говорю:

– Ладно, сделаешь свою часть – скидывай на почту. И Рите напомни. Все, я пошла, мне еще кучу всего надо сделать.

И следом за бабушкой я иду домой.

В лифте мы молчим, но я чувствую на себе внимательный взгляд. Ба определенно чувствует неладное, но или не может найти весомые аргументы, или не считает нужным вмешиваться. И все же, когда мы раздеваемся в коридоре, у нее вырывается тяжелый вздох:

– Ох, Алька-Алька.

– Что?! – возмущаюсь я, но ба просто уходит на кухню, оставляя меня в недоумении.

Глава 5

Френч-кофе

К следующим выходным все мое окружение ненавидит кофе.

Я заставляю бабушку, Ритку и Кира перепробовать все новое меню. Все рецепты, что я разработала и переработала с учетом пожеланий и доработала с учетом реалий закупок и доступных у поставщиков продуктов. Рафы, латте, мокко, капучино с сиропами, венский кофе, шокочино, фраппе – от названий идет кругом голова.

– Все, я больше не могу. – Ритка сползает по дивану вниз, тяжело дыша. – Аль, ты уничтожила мою любовь к кофе.

– Нет, – держа в зубах карандаш, отвечаю я, – я закончила новое меню. Все! Завтра вводим в ассортимент, и завтра же привезут новые десерты.

А еще я создала официальную группу и телеграм-канал кофейни, напечатала небольшие новогодние открытки с QR кодами соцсетей и запланировала скидки на новое меню. Если это не сработает, все усилия прошедшей недели окажутся тщетны, но я верю в успех.

Кофейня преобразилась. Я пересмотрела тонны эстетик на «Пинтерест», прежде чем решилась потратить деньги на украшения.

Теперь на нашей двери висит рождественский венок, на стойке красуется новогодний букет с сухоцветами. В углу – наряженная елка, каждая веточка которой опутана гирляндой-паутинкой. Я потратила целый выходной, чтобы ее нарядить, зато теперь она как из трендовых роликов – будто усыпана искрящимся снегом. Вдоль стойки гирлянда в виде заснеженных еловых веток, на каждом столике – вазочка с такими же ветками и по мерцающей электросвече. Вдоль окна расставлены банки с гирляндами внутри, фигурка рождественского оленя и – моя гордость, случайно найденная на маркетплейсе, – огромная новогодняя чайная пара. Конечно, мой самодельный декор не дотягивает до картинок новогодних кофеен Москвы, но все равно выглядит очень атмосферно и свежо.

– Ты молодец, – с восхищением говорит Кир. – Уже фоточки полетели по чатам.

– Хорошо бы, – вздыхаю я. – Кофеечку?

Кир морщится, и я начинаю хихикать.

Вот уж от кого не ожидала поддержки, так от него. Рита на удивление стойко держалась нейтралитета и согласилась только выступить кофейным экспертом. Бабушка не одобряла в разы увеличившуюся нагрузку в кофейне, и я старалась ее лишней раз не дергать. А вот помощь и мнение Кира оказались неоценимы. И я, к собственному стыду, вовсю пользуюсь его добротой.

Например, сейчас он собирает стеллаж, купленный за какие-то смешные деньги с рук. Для него у меня уже приготовлены место у двери и новогодний декор.

– Не расскажешь, зачем тебе полки? – спрашивает Кир.

– Так, хочу реализовать кое-какую идею...

– Да ладно тебе, я же не трепло! Не буду я рассказывать Андрюхе твои секретные идеи. Просто интересно.

– Хочу организовать буккроссинг в кофейне. Чтобы в назначенный день все желающие пришли поменяться книгам, отдать ненужные или взять что-то себе. А после оставим полки для книг на постоянной основе. И я надеюсь, что те, кто придет на обмен, не удержатся и что-то купят. На новое меню как раз будут скидки.

– Прикольно, – хмыкает Кир. – А если будут приносить хлам?

– В каком смысле?

– Ну всякие учебники из девяностых, старые развалившиеся книги. Так всегда: народ приносит старье, а ухватить хочет новинки.

– Ты прав. Я об этом не думала. Надо прописать какие-то правила. Спасибо.

– Видишь? – Он поднимает голову от стеллажа. – Я могу быть полезен.

– Кофе? – со смехом спрашиваю я.

Меню действительно интересное. Я лишь надеюсь, что сменщик не откажется от новинок и будет готовить по моим рецептам. Игорь в курсе спора, но он явно не воспринимает меня всерьез. Впрочем, у него нет выбора: новое меню напечатано, реклама запущена, волей-неволей придется готовить то, что попросят. Теперь кофейный ассортимент «Магии кофе» выглядит так:

«I. Неизменная классика

- Эспрессо
- Americano
- Капучино
- Латте
- Флэт уайт
- Классический раф

II. Авторский кофе

- Мандариновый латте
- Ежевично-шоколадный раф
- Остро-пряный флэт уайт
- Орехово-карамельный латте
- Раф «Халва»
- Фраппе – освежающий кофе со льдом

III. Не кофе

- Чай классический
- Чай связанный, в чайнике со свечой
- Матча
- Фруктовый чай с гибискусом
- Травяной чай
- Какао
- Горячий шоколад

IV. Новогоднее предложение

- Тыквенно-пряный капучино
- Хвойный раф
- Венский кофе с марципаном и корицей
- Латте «Глинтвейн»
- Шокочино «Имбирный пряник»

Каждый день на какую-то из позиций меню будет хорошая скидка. Чтобы распробовали новинки и не боялись потратить слишком много на кофе, который не понравится.

Конечно, я докупила сиропов, чтобы делать замены и добавлять в классические варианты на вкус клиентов, включила в меню шоколадные посыпки для кофе со взбитыми сливками и часть стаканчиков заменила на веселые новогодние – для сезонной лимитированной коллекции. Лимитированная коллекция – звучит круто.

Наконец все готово. Меню разложено, витрина вымыта до блеска, новогодняя атмосфера создана. Я дико устала, но подготовила все к выходным, чтобы первые два дня работы в новом формате проконтролировать все лично.

– Ты идешь? – спрашивает Кир. – Я провожу.

И куда только делся ночной кошмар нашей школы? Как на место последнего хулигана пришел обходительный и даже заботливый парень?

Если бы я не была так погружена в работу и мечты о Москве, то непременно бы в него влюбилась. Но я хорошо усвоила: отношения в одиннадцатом классе – плохая затея. После выпускного все разъезжаются кто куда, начинается новая жизнь, и старые влюбленности в нее не вписываются.

Мы медленно бредем к моему дому, наслаждаясь зимней безветренной погодой. Я люблю искрящимися снежинками в свете уличных фонарей, Кир – кутается в теплый шарф и зевает.

– Спасибо, что помог, – говорю я, когда мы останавливаемся у подъезда. – Без тебя я бы собирала эту полку вечность! А в бюджете каждая копейка на счету. Вчера заходила Мария Январовна. Ничего не сказала, но так посмотрела... Если я провалюсь, меня не только Лукин оборжет, но и хозяйка застыдит. И будет вычитать из зарплаты до самой пенсии!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.